И.Н.Буздалов, академик РАСХН,
главный научный сотрудник
ВИАПИ им. А.А.Никонова

ГЛАВНЫЙ ПУТЬ ПРЕОДОЛЕНИЯ СИСТЕМНОГО АГРАРНОГО КРИЗИСА В РОССИИ*

e-mail: tamara.buzdalova@yandex.ru

Рассматриваются признаки системного аграрного кризиса, роль и место в его преодолении интенсификации сельского хозяйства. Отмечается необоснованное ослабление внимания к проблеме интенсификации сельскохозяйственного производства в современных научных исследованиях и проводимой аграрной политике. Даются обоснования по стратегии интенсивного пути развития сельского хозяйства в рыночных условиях, повышению уровня и экономической эффективности, усилению роли государства в экономическом регулировании и поддержке этого процесса.

Аграрный кризис, острота аграрного кризиса, интенсификация, факторы и показатели интенсификации, инновации, модернизация, добавочные вложения, дифференциальная рента, аграрная политика, аграрный протекционизм.

In the article, signs of system agrarian crisis, role and place in its overcoming of an intensification of agriculture are considered. Unreasonable weakening of attention to a problem of an intensification of agriculture production in modern scientific researches and a carried-out agrarian policy is noted. Justifications on strategy of an intensive way of development of agriculture in market conditions are given, to increase of level and economic efficiency of an intensification, strengthening role of the state in economic regulation and support of this process.

Keywords - agrarian crisis, sharpness of agrarian crisis, intensification, factors and indicators of an intensification, innovation, modernization, additional investments, differential rent, agrarian policy, agrarian protectionism.

Как известно, советская официальная экономическая наука определяла аграрный кризис как состояние «перепроизводства в сельском хозяйстве, естественно, обусловленное пороками «капитализма» (см. Экономическая энциклопедия. Политическая экономия, 1972 г., т. I, с. 24-26). Но так как в стране, наоборот, существовал постоянный дефицит продовольствия, то об аграрном кризисе ни сама наука, ни «наставлявшие» ее партийные власти предпочитали не говорить, довольствуясь «преимуществами» социалистического сельского хозяйства.

Но если исходить из действительного понятия экономического кризиса, то как раз советское сельское хозяйство, как и вся административно-командная система вместе с ее якобы преимуществами все более погружалось в его пучину, причем признаки аграрного кризиса в той или иной форме иногда даже в большей степени проявляются в настоящее время. Прямым «результативным» выражением сохраняющегося системного аграрного

* Статья подготовлена по результатам разработки проектов РГНФ № 12-02-00145а и РФФИ № 13-06-00014

кризиса является выпадение из оборота за годы реформ более 40 млн га посевных площадей и связанный с этим острейший дефицит продуктов питания отечественного производства при засилии их импорта. В 2011 г. он достиг 42,5 млрд долларов, т.е. беспрецедентных (если рассчитывать на душу населения) за всю историю России размеров, на 20% превысивших выручку от реализации собственной продукции сельского хозяйства в закупочных ценах.

Что касается некоторых объемов экспорта, в основном зерна, то это не достижение, афишируемое властями, а отражение искаженной аграрной структуры, наносящей прямой ущерб развитию животноводства. Зерно экспортировалось в разорительные для страны 30^{e} годы, что подрывало основы кормовой базы, обрекало самих крестьян на полуголодное существование. Только преобладание в производстве и экспорте продукции животноводства может свидетельствовать о сбалансированности аграрной структуры и праве страны называться экспортером продовольствия и настоящей продовольственной державой. В России происходят прямо противоположные тенденции, свидетельствующие об отсталости, неустойчивом, экстенсивном характере ведения сельского хозяйства, в котором доля продукции животноводства за 1990-2011 гг. упала с 65 до 49%. Это падение сейчас восполняется массированным (на сумму до 800-900 млрд рублей в год) импортом замороженной и часто залежалой животноводческой продукции.

Конечно, имея около 10% мировой продуктивной пашни при 2% населения планеты, Россия и далее может «подпитывать» (через оплату импорта продовольствия) зарубежных фермеров, оставляя свое хозяйство в перманентном кризисном состоянии. Но это же выражение вопиющей бесхозяйственности и несостоятельности, социально-экономической ущербности проводимой аграрной и всей экономической политики государства. Не хочется думать (на что и ориентирует эта политика) о том, какому риску подвергается страна в случае возможного по той или иной причине перекрытие импортных каналов продовольственного обеспечения населения. На «болотные» и иные площади городов без всяких призывов выйдут такие массы возмущенных людей, какие не приснятся любым оппозиционерам.

С какой бы стороны не подходить к оценке сложившегося положения в сельском хозяйстве, оно по-прежнему остается «гиблым местом» в экономике и обществе. Земельные ресурсы, весь производственный потенциал и особенно социально-трудовая сфера села на обширной сельскохозяйственной территории находятся на крайней степени деградации. Это не только свидетельство остроты аграрного кризиса, но и наглядное отражение общего социально-экономического неблагополучия в государстве.

Ведь сельское хозяйство не просто особая первичная базовая отрасль экономики, производящая продовольствие, т.е. «самое первое условие» жизнедеятельности самого человека. Это корневая основа общества, его духовных и нравственных ценностей. Всесторонне развивающееся сельское хозяйство с его высокой урожайностью полей, продуктивностью животных, благоустроенностью сельских поселений, экологической чистотой окружающей среды, материальным благополучием земледельцев, их профессиональной и общей культурой – лицо нации, показатель цивилизованности страны, политической зрелости и мудрости ее руководства. «И порядок, и законы, и нравственность и даже сам ум нации, и, наконец, всякое правильное отправление национального организма, - писал Ф.М.Достоевский, - организуются лишь тогда, когда в стране утвердится прочное земледелие. Каков характер земледелия, таков характер нации».

Эта пророческая мысль, воплощенная в аграрную политику и практику государственного управления нашли свое «правильное отправление» во многих странах современного мира никак не приживается на российской земле, в «уме нации», точнее в сознании ее лидеров. Правители России за последние 150 лет, особенно в годы так называемых социалистических преобразований, так усердно поработали над решением «аграрного вопроса», что на этой земле утверждалось и продолжает утверждаться что угодно, только не прочное, высокорентабельное земледелие.

Сельского производителя, которого называли «сеятелем и хранителем государства», источником его духовно-нравственных сил, в деревне практически не осталось. На смену ему не пришел класс хозяев-профессионалов, владеющих современными достижениями науки и техники, и располагающих всеми необходимыми для производительного труда материальными и культурно-бытовыми условиями. Наоборот, социально-трудовая сфера села подверглась беспрецедентному расстройству. За последние 20 лет с карты страны исчезло около 17 тысяч сельских поселений, а большинство оставшихся обезлюдели. Уровень оплаты труда работников сельского хозяйства, к 1990 году достигший 95% к среднему по экономике опустился в 2011 г. до 52%. Селу принадлежит «пальма первенства» по уровню бедности, по употреблению алкоголя на душу населения, по случаям суицида на 1 тыс человек и т.д. В плачевном состоянии находится вся социальная и инженерная инфраструктура села. Уровень сельской безработицы почти вдвое превышает городские показатели. При общем сокращении численности сельского населения за тот же период в 1,5 раза число детских учреждений сократилось в 2,2 раза, больничных учреждений в 5 раз, участковых больниц в 11 раз и т.д. Село покидают квалифицированные кадры специалистов, молодежь. До

85% выпускников ВУЗов аграрного профиля не идут на работу в сельскую местность. А обширной сельскохозяйственной территории вообще нет признаков жизни и выводить сельское хозяйство их кризиса здесь вообще уже некому.

Между тем, в современном мире накоплен богатейший опыт общегосударственной стратегии по созданию гарантирующего от аграрного кризиса «прочного» земледелия. Основой этой стратегии является перевод сельского хозяйства на интенсивный путь его развития с необходимыми общими структурными изменениями в системе АПК. В условиях пространственной ограниченности сельскохозяйственных земель и общей ограниченности ресурсов, а также исходя из объективной общественной необходимости более эффективного их использования, этому пути сельского развития практически нет альтернативы.

Интенсификация производства, базируясь на общих закономерностях процесса социально-экономического развития, в сельском хозяйстве имеет существенные особенности, предполагающие особый подход к ее научному анализу, затрагивающему важные аспекты аграрной теории, прежде всего, связанные с законом убывающего плодородия почвы, теорией и условиями образования дифференциальной земельной ренты. С практической точки зрения интенсификация сельскохозяйственного производства, включающая в себя в качестве определяющей движущей силы научно-технический прогресс, системные технико-технологические преобразования, предполагает комплекс мер по обеспечению экологической устойчивости, рационализации природопользования.

Вместе с тем, интенсификация сельского хозяйства включает в себя в качестве одного из определяющих факторов социально-трудовую составляющую. Профессиональное ее осуществление с наибольшим экономическим эффектом, широкое целенаправленное использование научных разработок, практических достижений требует адекватно высокого качества «человеческого фактора», формирования по сути нового типа работника, подготовки высококвалифицированных специалистов. Но чтобы иметь и закрепить на селе такие кадры необходимо создать для них соответствующие условия жизнедеятельности, необходимую социальную и инженерную инфраструктуру.

Все это, в конечном счете, обусловливает не только особый подход к научной организации воспроизводственного процесса на той же земельной площади, но затрагивает общие глобальные проблемы развития экономики, требующие привлечения к их решению всего «национального организма», прежде всего самого государства. Только общегосударственный подход, как об этом свидетельствует опыт «всех цивилизованных стран» может обеспечить успех преобразования сельского хозяйства на основе

интенсивных факторов социально-экономического развития отрасли, учитывая, что важные условия использования этих факторов лежат за пределами самого аграрного сектора, входят в общую экономическую стратегию государства.

Очевидно, что успешно решать комплекс названных и связанных с ними других проблем реализации общей стратегии развития сельского хозяйства по пути последовательной интенсификации можно на основе разработки и использования научной методологии, начиная с определения самого понятия сущности, движущих сил, показателей этого сложного, противоречивого процесса. А именно в этом, исходном пункте его исследования до сих пор нет полной ясности. Если в специальной литературе 60-70 гг. XX в. в теоретико-методологические аспекты интенсификации являлись предметом острой и далеко незакончившейся дискуссии, то ныне тема этого, действительно «главного пути развития сельского хозяйства», совершенно незаслуженно вообще почти выпала из научных исследований и специальных печатных изданий.

Следует, поэтому, прежде всего, напомнить, что интенсификацию производства (от фр. intensification – напряжение, по В.Далю – усиление) в общем понимании ее сущности было принято рассматривать как «процесс развития общественного производства, основанный на применении более эффективных средств производства и более совершенных форм организации труда и технологических процессов» (Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. М.: Советская энциклопедия, 1975 г., т. I, с. 38). Примерно такое же определение сущности интенсификации производства приводилось и в других научных и энциклопедических изданиях.

Что касается интенсификации сельского хозяйства, то в указанной энциклопедии (с. 39) ее сущность определялась уже совсем иначе т.е. как «процесс роста производства продукции за счет дополнительных, последовательно осуществляемых затрат живого и овеществленного труда (в других источниках – труда и капитала – И.Б.) на единицу «земельной площади». Такое определение обычно «привязывалось» к известной формулировке этого понятия К.Марком, как «концентрации капитала на одной и той же земельной площади» и почти аналогичного ленинского определения (см. Ленин В.И. ПСС. Изд. 5^{e}, т. 27, с. 191-192). Дальше такого подхода к трактовке понятия интенсификации сельского хозяйства наука того времени не продвинулась, а, учитывая, видимо то, что истина уже установлена современная «Экономическая энциклопедия» (издание 1999 г. «Экономика») это понятие вообще не рассматривает.

Между тем, сведение сущности интенсификации сельскохозяйственного производства к «концепции» или «последовательным» затратам капитала на той же земельной площади, по меньшей мере, является односторонним. Нельзя специфические

особенности осуществления этого процесса в сельском хозяйстве, связанные с последующими (добавочными) вложениями на той же земельной площади рассматривать как его экономическую сущность. Вложения капитала (как добавочные, так и общие) это *материальная основа*, важный, но один из факторов интенсификации. Главным, определяющим в ее сущности, эффективном в практическом осуществлении является качественное преобразование и, тем самым, «повышение напряженности, действенности этого капитала, его конкретных видов и всей совокупности факторов производства, включая экономические, социальные, управленческие.

При этом нужно иметь ввиду, что как бы не отвергался закон убывающего плодородия почвы, концентрация капитала на одной и той же площади на каждом данном этапе развития и качественного состояния производительных сил, имеет разумные экономические оптимумы, за пределами которых эффективность добавочных вложений имеет тенденцию к снижению. Эта тенденция, как и ограниченная по времени возможность быстрого качественного преобразования факторов производства, является неопровержимой практической реальностью. Более совершенные или новые сорта растений, породы животных, виды удобрений, техники и т.д. надо создать, экспериментально испытать, обеспечить массовое серийное производство, поставки, а на это, как и на подготовку необходимых специалистов, на овладение ими новых технологий и т.д. часто требуются многие годы. Изменение экономических, общественных отношений и условий осуществления интенсификации также требуют времени, определенного переходного периода.

Таким образом, рассматривая сущность интенсификации в тесной взаимосвязи количественной и качественной сторон вкладываемых на единицу земельной площади труда и средств производства главной движущей силой этого процесса являются качественные преобразования во всей системе производственных отношений, в методах хозяйствования, обусловливающие повышение напряженности производительности, следовательно, результативности вкладываемого в землю капитала, средств производства и труда. Другое дело, что рост экономического плодородия почвы, как обобщающее выражение этой результативности предполагает *определенный объективно обусловленный уровень материально-технического, ресурсного обеспечения в расчете на гектар земельной площади, а это уровень в сельском хозяйстве страны находится сейчас на недопустимо низкой отметке. Повышение его до необходимого оптимума в настоящее время и в ближайшей перспективе является важнейшим условием реализации всей стратегии развития сельского хозяйства на основе интенсивных факторов экономического роста*.

Следование этой стратегии – прямой путь к современной социально-экономической модели устойчивого, антикризисного развития сельского хозяйства и вместе с тем обеспечению прочной продовольственной, а, значит, общей национальной безопасности страны. Этим объясняется особое и неослабное внимание и к научным исследованиям, и к прикладным вопросам интенсификации сельского хозяйства, которое наблюдается в странах с высокоразвитым аграрным сектором, в значительное мере предопределяющим общее социально-экономическое благополучие в этих странах, в том числе имеющих низкую землеобеспеченность.

В России, несмотря на значительное сокращение пахотных земель (за 1990-2011 гг. почти на 40 млн га и сельскохозяйственных угодий в целом на 18 млн га) сохраняется достаточно высокий уровень землеобеспеченности (на одного человека, соответственно, по 0,53 и 1,38 га. Во Франции, например, на каждого жителя страны приходится 0,4 га пашни и всего 0,5 га сельскохозяйственных угодий, т.е. последних в 2,7 раза меньше, чем в России, причем земель далеко не лучшего качества. Однако на основе интенсификации производства за период с 1990 г. объем валовой продукции французского сельского хозяйства неуклонно возрастал (в России он упал почти на 18%) и составляет сейчас в среднем за год 64 млрд евро (около 2,5 трлн рублей в ткущих ценах), а в среднем в расчете на 1 га сельхозугодий больше, чем в России в 6 раз, на душу населения – в 2,6 раза, на занятого в сельском хозяйстве – в 5,8 раза.

Полностью обеспечивая население страны продовольствием Франция стала вторым в мире экспортером сельскохозяйственной продукции, продавая на внешнем рынке примерно 15% ее валового производства, в т.ч. значительных объемов животноводческой продукции, что и является подтверждением статуса страны, как крупной мировой продовольственной державы[1].

Германия имеет еще более низкую землеобеспеченность с преобладанием худших по качеству почв, но, реализуя стратегию последовательной интенсификации сельскохозяйственного производства и создавая необходимые для этого социальные условия жизнедеятельности крестьянства, более чем на 90% обеспечивает население продукцией собственного производства при экспорте значительных объемов животноводческой продукции. То же самое наблюдается в Голландии, Швейцарии, многих других странах Запада. Даже Индия и Китай с еще более низкими показателями землеобеспеченности достигли огромного прогресса в интенсификации сельского хозяйства.

[1] Здесь следует напомнить, что таким статусом Россия обладала более 100 лет назад и к настоящему времени, располагая миллионами гектаров уникальных черноземов, практически потеряла этот статус.

Анализ показывает, что процесс интенсификации в названных и многих других странах базируется: 1) на прочных, научных основах, соответствующих методических и аналитических разработках; 2) на оптимизации размеров и структурной сбалансированности капитала, материальных ресурсов в расчете на единицу земельных угодий (эти оптимумы, например, по фондооснащенности в расчете на гектар сельскохозяйственных угодий в 4-5 и более раз превосходят российские показатели, по удобрениям в 10-15 раз, достигая 500-600 и более кг минеральных удобрений на гектар посевной площади и т.д.; 3) на стимулирующей процесс интенсификации активной протекционистской аграрной политике и соответствующей системе целенаправленного государственного экономического регулирования и социальной защиты сельских товаропроизводителей и 4) на рыночном механизме, методах хозяйствования и управления в соответствии с принципом: «рынок регулирует – государство корректирует», сообразуясь с критериями экономической эффективности и социальной справедливости.

В формировании и укреплении материально-технической базы интенсификации сельского сдвиги произошли в СССР в так называемые «застойные» и «перестроечные» годы с одновременными активными научными разработками по ее осуществлению. Курс на интенсификацию отрасли сопровождался позитивными сдвигами в развитии I сферы АПК и подкреплялся постоянно растущим финансовом и материально-техническим обеспечением со стороны государства, экономическим стимулированием процесса, прежде всего, через ценовой механизм, кредитную и налоговую системы. Инвестиции в сельское хозяйство в 1981-1985 гг. по сравнению с 1966-1970 гг. возросли в 2,0, а в целом в АПК в 2,3 раза, их доля в общих инвестициях достигла 33,2%, причем значительная часть капиталовложений приходилась на государственный бюджет. В итоге основные производственные фонды фактически почти на ту же земельную площадь возросли в 3,2 раза, поставки тракторов почти в 2 раза, грузовых автомобилей в 3 раза, минеральных удобрений почти в 7 раз и т.д.

Другое дело, что об указанном оптимуме вложений средств производства на ту же земельную площадь, об их рациональной структуре в условиях затратного механизма, присущего господствовавшей административно-командной системы мало думали или не думали вообще. Поэтому указанные действительно огромные добавочные вложения в форме финансовых средств и материально-технических ресурсов по определению не могли обеспечить адекватной отдачи уже потому, что происходил количественный рост основных фондов, что хозяйствам наряду с нужной техникой в «плановом» порядке навязывалась ненужная, возникали диспропорции между силовыми и рабочими

машинами, что низким оставалось общее качество техники и т.д. Если в 1965 г. на 1 рубль основных фондов было получено 1,01 рубля валовой продукции, то в среднем за 1971-1975 гг. 0,5 рубля и в 1981-1985 гг. 0,36 рубля.

В 1966-1970 гг. прирост валовой продукции к результатам предыдущего пятилетнего периода составил 21%, в 1976-1980 гг., соответственно, только 9%, а за 1981-1985 гг. этого роста вообще не было. Резко возросла себестоимость сельскохозяйственной продукции, практически стабилизировался уровень урожайности сельскохозяйственных культур, негативные процессы происходили в состоянии и использовании земельных угодий. Иначе говоря, вопреки объявленному курсу на интенсификацию как «главный путь» развития сельского хозяйства, последнее находилось в состоянии очевидной неустойчивости с явными признаками системного кризиса, стагнации, и поддерживалось в этом состоянии преимущественно за счет экстенсивных факторов, затратного экономического механизма.

В полном «соответствии» с затратным экономическим механизмом в научных исследованиях процесса интенсификации также преобладала «затратная» концепция. В «плановых» разработках НИИ, диссертациях, множестве публиковавшихся статей господствовал упрощенный методологический подход к проблеме, начиная с самого понятия интенсификации, определения ее уровня размерами «капитала на одной и той же земельной площади».

Главное в сущности интенсификации – качественное преобразование факторов производства, рассматривалось как дополнение к этому количественному увеличению, тем более в реальной политике государства проблемы повышения качества эффективности, хотя и декларировались, но на деле стояли на заднем плане или вообще не принимались во внимание, т.к. цели достигались любой ценой, масштабным ресурсорасточительством. Причем в «раскрытии» сущности интенсификации, акценты делались не на изучении глубинных взаимосвязей и движущих сил этого сложного воспроизводственного процесса, его обусловленности общими объективными закономерностями экономического развития, а на выявлении якобы «принципиальных» различий интенсификации при капитализме и социализме. «Доказывалось», что в первом случае концентрация (или «увеличение размеров») капитала на той же земельной площади ведет «к обострению социально-экономических противоречий, разорению мелких и средних хозяйств», иначе говоря, к «росту капитализма» (Ленин В.И. ПСС. 5^{e} издание, т. 27, с. 156), а во втором – «открывает большие возможности для «сознательного стимулирования производства в интересах всего общества» (Экономическая

энциклопедия. Политическая экономия. М.: Советская энциклопедия, 1975 г., т. 2, с. 41), т.е. по той же логике ведет к росту социализма.

Все это ныне выглядит наивно, но такова была наука и адекватная ей экономическая политика и хозяйственная практика. Регулирующая и стимулирующая роль рыночных отношений, стоимостных категорий в осуществлении интенсификации, повышении ее экономической эффективности этой наукой и, соответственно, экономической политикой, существовавшей практикой «планового ведения хозяйства» категорически отвергалась.

Негативное отношение к таким научным и практическим аспектам осуществления интенсификации с необходимыми методологическими обоснованиями и доказательствами было изложено мною в монографии «Экономическая эффективность интенсификации сельскохозяйственного производства» (М.: «Колос», 1966 г.)). Подход к изучению интенсификации как «общего явления всех цивилизованных стран», подчиненного общим объективным закономерностям экономического развития, естественно, встретил шквал «разоблачительной» критики. В книге не принижалась роль концентрации капитала на той же земельной площади как фактора и материальной базы интенсификации. Акценты делались на оптимизацию, рационализацию структуры, повышение качества вещественных элементов этого капитала, а, главное, на необходимости использования в качестве фактора интенсификации, повышения ее эффективности механизма рыночных отношений, на замене им ресурсорасточительного затратного механизма, присущего административно-командной системе. Соответствующие обоснования «Экономической газетой», другими изданиями характеризовались, как «кабинетные домыслы», как непонимание сущности и преимуществ «социалистической» интенсификации.

Сейчас, страсти вокруг якобы дискуссионных, а тем более «ошибочных» (на самом деле последовательно научных, объективно обусловленных представлениях о сущности и движущих силах интенсификации сельского хозяйства) поутихли и, основанному на общих закономерностях рыночному, широкому мирохозяйственному подходу к ее исследованию прежние идеологические рамки не мешают. Многие прежние критики «отщепенцев-рыночников» в новых условиях, как ни в чем не бывало, признали эту реальность и сами (во всяком случае, на словах) стали рыночниками. В этих условиях как бы отпадает сама необходимость возвращаться к доказанным и проверенным мировой практикой концептуальным подходам к исследованию интенсификации сельского хозяйства, ее осуществлению в рамках общих объективных закономерностей воспроизводственного процесса с учетом соответствующей отраслевой специфики.

С этих позиций может также представляться «оправданным», во-первых, ненужным включение темы интенсификации сельского хозяйства в научные исследования и освещение ее в специальных изданиях и, во-вторых, то, что сам процесс на практике может осуществляться самотеком, без необходимого целенаправленного государственного регулирования в надежде, что все отрегулирует рынок, забывая о том, что рыночный механизм, тем более при нынешнем его несовершенстве и перекосах сам нуждается в серьезных корректировках и упорядочении.

Дело в том, что многие пороки прежней административно-командной системе в своеобразных формах трансформировались в структуру нынешней вертикали власти с ее тем же «административным» ресурсом. «Плановые» ценовые диспропорции сменились запредельным диспартитетом цен. Государственная монополия трансформировалась в монополизм партнеров сельского хозяйства по АПК и чиновничий произвол. Стиль и методы работы нынешних глав районов и субъектов федерации мало чем отличается от «руководящей» роли прежних парткомов во главе с первыми секретарями. Волевые решения или благовидные декларации прочно закрепились в структурах государственного управления на всех ее иерархических уровнях.

Власти, например, провозгласили курс на инновационное развитие, на модернизацию экономики и ее отраслей не осуществив, однако, необходимых для этого изменений в экономической политике, системе государственного регулирования, в стиле и методах хозяйственного управления, в выборе приоритетов использования имеющихся ресурсов и т.д. Причем в рамках общих деклараций этого курса применительно к сельскому хозяйству проблемы его интенсификации как бы теряют свою актуальность, поскольку и в том, и в другом случае речь идет о качественных преобразованиях. На самом деле и инновации (нововведения), и модернизация (обновление, усовершенствование) являются лишь факторами интенсификации, как более широкого экономического понятия, как особого направления развития, системного качественного преобразования всех сторон ведения сельского хозяйства, всех факторов научной организации и модернизации его социальной и инженерной инфраструктуры.

В свою очередь это требует осуществления особого комплекса целенаправленных, прежде всего, макроэкономических мер аграрной политики по повышению уровня и эффективности интенсификации сельскохозяйственного производства. К сожалению, продуманная стратегия этого осуществления по названным выше причинам в стране практически отсутствует, равно как и нет необходимого ее ресурсного обеспечения, прежде всего, для поддержания и повышения экономического плодородия почвы, урожайности полей, как непосредственного результата интенсификации. Если в прежней

«плановой» советской системе огромное количество минеральных удобрений терялось, оказывалось брошенными на окраинах полей, портилось под открытым небом, но фиксировалось в отчетах как «выполнение плана» внесения их в почву, то теперь часто поля вообще не удобряются и почвенное плодородие продолжает стремительно падать. За годы нынешних «реформ» в этом сегменте интенсификации сельского хозяйства вынос питательных веществ из почвы в 3 раза превысил их возврат. И это в условиях, когда за те же годы производство минеральных удобрений в стране даже возросло (с 16 до 18,8 млн тонн) и при сокращении посевной площади на 35% в расчете на гектар их дозы должны были возрасти почти в 1,6 раза.

В действительности эти дозы сократились в 2,2 раза (с 88 до 38 кг), т.к. более 80% минеральных удобрений экспортируется и используется для повышения экономического плодородия земель зарубежных фермеров. Одновременно в связи с провалом в развитии животноводства сократилось внесение органических удобрений (в расчете на 1 га посева в 3,2 раза). Сейчас на 55% посевных площадей минеральные удобрения вообще не вносятся, а органические – на 93% этих площадей. За те же годы в 9 раз сократилось применение химических средств защиты растений. На 75% посевных площадей нарушены севообороты.

В результате всего этого урожайность основных культур, как и выход продукции растениеводства в расчете на гектар земельных угодий в сопоставимых ценах фактически остался на том же уровне и поддерживается за счет истощения естественного почвенного плодородия. Если за 1990-2010 гг. урожайность зерновых в стране почти не сдвинулась с отметки около 20 ц/га, во Франции, Германии, США, Англии она возросла на 15-20 ц/га и превысила 70 ц/га.

За те же годы на 17% сократился общий выход продукции с 1 га сельскохозяйственных угодий, в т.ч. продукции животноводства более чем на 1/3. Все это свидетельствует о явной тенденции к снижению уровня интенсификации, что подтверждается негативной динамикой технического оснащения сельского хозяйства, обусловленного кризисным состоянием сельскохозяйственного машиностроения, других отраслей АПК. Если в 1990 г. в стране производилось 214 тыс тракторов, то в 2011 г. – почти в 10 раз меньше, зерноуборочных комбайнов – в 11, льноуборочных в 13 раз и т.д.

Правда, за те же годы хозяйства приобретали все больше зарубежной техники. Однако вследствие провала в отечественном сельхозмашиностроении произошло общее значительное сокращение используемой ими основных видов техники. За тот же период количество тракторов уменьшилось в 4,2 раза, зерноуборочных комбайнов почти в 5 раз, кормоуборочных комбайнов в 9 раз и т.д. Это привело к существенному увеличению

нагрузки на каждую машину, следовательно, снижению технологических возможностей производства. Нагрузка пашни на 1 трактор возросла с 95 до 230 га, посевов на 1 зерноуборочный комбайн, соответственно, со 152 до 327 га при расчетной нормативной нагрузке на 1 трактор 73 га, на зерноуборочный комбайн 244 га. Для сравнения: нагрузка на 1 трактор в США составляет 37 га, на 1 зерноуборочный комбайн – 50 га, соответственно, в Англии 13 и 77 га, Франции 16 и 50 га, Германии – 12 и 53 га. В России в 9 раз возросла нагрузка посевов кукурузы в расчете на 1 кукурузоуборочный комбайн, на картофелеуборочный комбайн в 1,5 раза, на свеклоуборочную машину в 3,5 раза. Энергетические мощности на 100 га посевной площади сократились с 364 л.с. до 227 л.с. Низким остается качество техники отечественного производства, степень ее износа возросла за тот же период в 2 раза, а коэффициент обновления снизился в 2,1 раза. Все это свидетельствует о деградации технико-технологического уровня производства, тогда как интенсификация предполагает его повышение, качественное преобразование.

Те же негативные тенденции к снижению показателей интенсификации наблюдаются в животноводстве, о чем, прежде всего, свидетельствует сокращение поголовья скота на единицу земельной площади. За 1990-2011 гг. площади сельскохозяйственных угодий в стране сократились на 9% (с 2014 до 196 тыс га), а поголовье крупного рогатого скота почти в 3 раза (с 57 до 20,1 млн голов), соответственно, свиней в 2,1 раза, овец и коз в 2,7 раза, птицы – на 20%. Положительной была в этот период динамика продуктивности скота и птицы, но в целом в расчете на гектар сельскохозяйственных угодий производство продукции животноводства упало почти в 1,5 раза.

Общую оценку состояния процесса интенсификации сельского хозяйства дает динамика соотношения затрат и результатов на единицу земельной площади. Анализ показывает, что опосредование движения соответствующих показателей рыночным механизмом при всем его несовершенстве позволяет выявить некоторые позитивные, но противоречивые тенденции, которые стали проявляться в последний десятилетний период. За 2000-2011 гг. практически на ту же площадь сельскохозяйственных угодий некоторый рост валовой продукции сельского хозяйства в сопоставимых оценках происходил при снижении или стабилизации фондооснащенности отрасли. Поэтому не наблюдалось такого падения фондоотдачи, как это происходило в условиях дореформенного затратного экономического механизма.

При оценке валовой продукции в текущих ценах и основных фондов по полной учетной стоимости за тот же период наблюдалось существенное повышение фондоотдачи. Если в 2000 г. на 1 рубль основных фондов производилось 61 коп. валовой продукции, то

в 2011 г. – 95 коп. Однако этими показателями, рассчитанными при крайнем износе основных фондов, истощении почвенного плодородия не стоит обольщаться. Происходит «закономерное» при таких изменениях и сложившихся методах хозяйствования и управления, перекосах в рыночном механизме неизбежное снижение выхода продукции на единицу совокупных затрат в фактических рыночных ценах и, соответственно, рост себестоимости основных видов продукции. Все это, соответственно, сказывается на уровне и динамике рентабельности В 2000 г. без учета субсидий она составляла 2,4%, в 2005 г. – 2,1%, а в среднем за 2009-2011 гг. сельское хозяйство имело убыточность в 1,5% тогда как в 1990 г. полученная прибыль в сельском хозяйстве обеспечивала 37% рентабельности. Это является прямым следствием дезорганизующего весь процесс интенсификации сельского хозяйства диспаритета цен на продукцию отрасли и используемые в ней промышленные средства производства, что, в свою очередь, следует рассматривать и как прямое следствие отсутствия действенного государственного экономического регулирования развития сельского хозяйства.

Об этом свидетельствуют и данные как о скудных источниках собственных накоплений СХО для добавочных вложений в повышение уровня интенсификации, так и о доле села в общих инвестициях в народное хозяйство. Если в 1990 г. эта доля составляла 16%, то в 2011 г. она снизилась до 3%.

В дореформенный период значительная часть инвестиций в сельское хозяйство обеспечивалась за счет государственного бюджета. Сейчас она не превышает 1%. Существенными (на сумму 150 млрд рублей за 2000-2011 гг.) являются общие абсолютные суммы прироста инвестиций, но они крайне малы для осуществления интенсификации с точки зрения объявленной властями модернизационной стратегии и инновационного развития сельского хозяйства (около 1 тыс рублей на 1 га сельскохозяйственных угодий и 2,5 тыс рублей на 1 га пашни). Это на порядок ниже, чем соответствующие вложения на текущее поддержание достигнутого высокого, оптимизированного по параметрам, уровня интенсификации сельскохозяйственного производства в целом ряде западных стран – членов ВТО и такая поддержка, видимо, «разрешена» правилами этой организации.

Связанное с фактической убыточностью сельского хозяйства (а при сопоставимой оценке оплаты труда в отрасли эта убыточность составляет около 15%) практическое почти полное отсутствие необходимой финансовой базы осуществления последовательной интенсификации сельскохозяйственного производства объясняется главным образом тем, что должным образом не задействованы макроэкономические

факторы и система ее государственного экономического регулирования и бюджетной поддержки.

Все развитые страны Запада наглядно демонстрируют, что прогресс в движении по пути интенсификации сельского хозяйства достигнут в рамках общей стратегии его приоритетной протекционистской поддержки. Это стратегии практически нет альтернативы и по утверждению Президента РФ В.В.Путина в одной из его предвыборных статей и Россия должна в этой области использовать «опыт всех этих стран». К сожалению, на практике все сводится к полумерам или общим намерениям. А это значит, что у властей нет должного понимания и соответствующих активных действий в отношении того, что интенсификация сельского хозяйства и на основе ее успешное системное преобразование производства и социальной сферы села – узловая народнохозяйственная задача и особый приоритет экономической политики государства. Страна не имеет перспектив устойчивого развития, если она, обкрадывая будущие поколения, и далее будет жить в основном за счет сырьевых ресурсов, расточения по всему миру нефтегазовых запасов, которые рано или поздно закончатся.

Помимо выше названных стран поучительные уроки опыта государственной поддержки процесса интенсификации дают и многие другие, в частности, Швейцария. Не имеющая особых запасов ни нефти, ни газа, ни других сырьевых ресурсов и имея крайне низкую (по сравнению с Россией – в 5 раз) земелеобеспеченность в расчете на 1 жителя эта страна достигал своего благополучия на основе последовательной интенсификации сельского хозяйства, создания необходимых для этого условий труда и жизни крестьянства. «Пусть другие страны похваляются своими богатствами, - писал Ж.Ш.Сисмонди (кстати, почетный член Петербургской АН), - Швейцария с гордостью может показать на своих крестьян с выражением на их лицах здоровья и силы». Ныне 4% занятых в сельскохозяйственном производстве, располагающих современной материально-технической базой и необходимым социальным обустройством, обеспечивают надежную продовольственную безопасность государства.

Все это следствие того, что базовое значение сельского хозяйства в экономике и жизни общества, и вытекающая из этого необходимость ее приоритетного развития зафиксировано в специальной статье Конституции страны и неукоснительно реализуется в аграрной и государственной экономической политике в целом, обеспечивая и «прочное земледелие», и здоровье, и силу швейцарских крестьян. Ни того, ни другого не наблюдается на сельской территории России при наличии реальных возможностей для решительного перевода сельского хозяйства на прочные социально-экономические основы, на интенсивный путь развития.

Могут сказать, что необходимые для такого перевода ресурсы лучше направить на вовлечение в оборот заброшенных в годы реформ 40 млн га пахотных земель, на что ориентирует и Доктрина продовольственной безопасности страны. Но, во-первых, это потребует более значительных затрат, т.к. на большей части этих земель уже нет никаких признаков жизни и их, часто заросших кустарником и мелколесьем нужно вновь осваивать, как когда-то целинные и залежные земли, создавать необходимую инфраструктуру, строить жилье, дороги и т.д. Во-вторых, на оставшихся в обработке 80 млн га пахотных и 196 млн га всех сельскохозяйственных угодий с меньшими затратами можно в 1,5-2,0 раза увеличить производство продукции отрасли. В перспективе, по мере оптимизации размеров и структуры материально-технической базы интенсификации, комплексного качественного преобразования всех факторов производства такой же или даже больший объем продукции можно будет получить и с меньшей общей площади сельскохозяйственных земель. Не случайно при насыщении агропродовольственного рынка в мировой практике применяются меры и стимулы по сокращению посевных площадей.

Экономически обоснованные оптимумы этого капитала, необходимых финансовых средств, конкретных видов производственных ресурсов в расчете на гектар земли или голову скота в зависимости от специализации, отраслевой структуры, других условий будут существенно меняться. Здесь необходимы специальные методические разработки и аналитические расчеты. Однако общими ориентирами определения необходимых нормативов могут быть показатели из зарубежной практики, близкого к ней опыта отдельных успешных в осуществлении интенсификации сельского хозяйства отечественных производителей. Причем в одних случаях средства целесообразно направлять преимущественно в эффективное производство соответствующей группы хозяйств и в других, особенно в сельской глубинке, в создание необходимых социальных предпосылок ее осуществления, строительство дорог, жилья, инженерной инфраструктуры и т.д.

Примерные, основанные на экстраполяции указанных нормативов расчеты показывают, что для удвоения продукции сельского хозяйства на используемых в настоящее время сельскохозяйственных угодьях общий размер производственно-технического потенциала в целом надо увеличить примерно в 3,0-3,5 раза (по отдельным элементам, видам техники, удобрений и т.д. – в 4-5 и более раз). Текущие материальные затраты при этом возрастут в два с лишним раза при сокращении затрат живого труда на 35-40%. Общий среднегодовой объем финансовых средств для соответствующих

преобразований материальной базы интенсификации с соответствующей социальной инфраструктурой исчисляется суммой в 500-550 млрд рублей.

Собственных финансовых средств для таких вложений (при нынешнем ценовом диспаритете и фактическом уровне аграрных цен) сельское хозяйство, за исключением небольшой группы СХО, как правило, получающих рентные доходы, не имеет. При сложившейся деградированной социальной сфере села, а также практически вдвое заниженном уровне оплаты труда работников сельского хозяйства, последние не имеют необходимых высоких стимулов активной производственной деятельности. В условиях повышенного риска, связанного с действием стихийных сил природы и бедственным финансово-экономическим состоянием сельского хозяйства рассчитывать на частные инвестиции в отрасль не приходится. Поэтому основными источниками необходимых для осуществления последовательной интенсификации средств, если не полностью, то в основном являются поступления в федеральный бюджет и в какой-то мере региональных бюджетов.

При соблюдении правильных, социально справедливых пропорций распределения национального дохода и сбалансированной ценовой системе, обеспечивающей объективно необходимый уровень рентабельности сельского хозяйства (по имеющимся, неоднократно публиковавшимся, расчетам на уровне примерно 25% с включением в издержки сопоставимой со средней по экономике оплаты труда) отрасль могла бы иметь достаточные для таких вложений собственные источники. Но в стране продолжает действовать в корне подрывающая экономические основы интенсификации производства и всего процесса сельского развития пресловутая «перекачка» созданного крестьянским трудом национального дохода, в т.ч. изъятия из отрасли всей прибавочной стоимости и примерно половины общественно-необходимого уровня оплаты труда.

По имеющимся расчетам структуры стоимости товарной продукции сельского хозяйства за 2009-2011 гг. в розничных ценах среднегодовой объем этой перекачки в пользу субъектов монопольного окружения отрасли, включая государство, составляет 1,3 трлн рублей (40 млрд долларов), тогда как возвращается в село 1/10 часть (4,3 млрд долларов). Но и из мизерной суммы дохода около 60% (80 млрд рублей) через фискальное налогообложение государство забирает назад. Все это как капля воды напоминает известную ситуацию на необитаемом острове, когда один мужик прокормил двух генералов, сделавшихся от этого «белыми и веселыми», за что они пожаловали своего спасителя и кормильца, этого «тунеядца рюмкой водки, да пятаком серебра».

Чиновники из экономического блока правительства, считающие сельское хозяйство «черной дырой» и смирившиеся с унизительным для России масштабным

импортом продовольствия (в 2011 г. на сумму 42,5 млрд долларов), соответственно, поддержкой за счет этой суммы зарубежных фермеров, аргументируют такую антикрестьянскую политику нехваткой бюджетных средств. На телевизионной пресс-конференции 20 декабря 2012 г. Президент РФ В.В.Путин прямо не высказал своего отношения к такой аргументации, но заявил, что сейчас принятый бюджет не позволяет ежегодно выделить для села даже «разрешенные» соглашением с ВТО 9 млрд долларов (примерно 280 млрд рублей).

Однако препятствие получать сельскому хозяйству свою, заработанную тяжелым крестьянским трудом долю национального дохода, не в фактической структуре бюджета, а в его идеологах и составителях, не считающихся ни с собственными декларациями о приоритете сельского развития, ни с необходимостью обеспечения более рациональной расстановки приоритетов социально-экономического развития страны вообще. Сложилось поистине «любительское» отношение властей к выбору этих приоритетов. Откуда, например, следует, что «вложения капитала» на международные спортивные игры и чемпионаты (составляющие по некоторым оценкам около 10% доходной части федерального бюджета страны в 2012 г.) приоритетнее затрат на сельское хозяйство, т.е. на 27% наиболее обездоленных жителей села в размере 1% от этого бюджета? Где здесь экономическая целесообразность и социальная справедливость, и вообще элементарный здравый смысл? А еще есть десятки тысяч детей-сирот, жилье многих миллионов людей, напоминающие времянки и трущобы, бездорожье, медицина, наука и т.д. Очевидными субъективными соображениями и пристрастиями продиктованы и некоторые другие приоритеты, в частности, астрономические суммы на военные цели, космос и т.д., где многие миллиарды народных средств действительно исчезают как в черной дыре. Так что дело не в «узких» рамках бюджета, а в явных изъянах, перекосах, очевидных признаках субъективизма проводимой аграрной и общей экономической политики государства.

Ограниченность любых ресурсов на земле – объективная мировая реальность. Отсюда стратегическая задача их эффективного, социально справедливого распределения и использования. Но приоритетное развитие сельского хозяйства это тоже глобальная мировая реальность, предполагающая объективную общественную необходимость обеспечения активной государственной поддержки отрасли, в первую очередь, через поддержку аграрных цен. Размеры этой поддержки в рамках других ограничений во многих зарубежных странах, где не хуже понимают значение обороны, спорта и т.д., но знают во всем этом меру, достигают двух и более тысяч долларов в расчете на гектар земельных угодий против 25 долларов в России.

В этом отношении помимо названных выше крупных и малых стран поучительным примером выбора приоритетов для нас является Китай. При площади пахотных земель в 121 млн га, т.е. в 1,5 раза больше, чем в России, поддержка сельского хозяйства в последние годы в расчете на гектар этих земель в 15-20 раз превышает российские показатели. Бездействие или видимость действия наших определителей приоритетов в этой области не поддается никакому разумному объяснению. Китайская стратегия рыночного реформирования всему миру продемонстрировала наглядный урок обеспечения государственной поддержки и на ее основе стремительного повышения уровня интенсификации аграрного производства в тесной взаимосвязи этого повышения с высокими темпами общего социально-экономического прогресса. Теперь момент истины настал и для России. Упустить его, при невиданных ранее потоках в страну нефтегазовых долларов, не использовать для этого имеющиеся реальные возможности, - значит и далее пребывать в колее масштабной по негативным последствиям общественно-политической ошибки и с риском для страны оставаться если не на задворках, то в хвосте мировой цивилизации.